

Евгений ДЕМЕНОК

Много, много цветов

— Жена, привет! Принялась ко мне на выставку?

— Ей звонок застал меня в большом магазине строительных товаров. Было шумно и плохо слышно.

— Наташа, а очень постаралась! Где и когда выставка?

— Второго мая в Художественном музее! Второе мая было через три дня.

В принципе, удобно. Первого июня, второго — на выставку.

— Буду в котором часу?

— В двенадцать. Тогда жду тебя на открытии. Второго мая, Художественный музей в Империале.

Мне показалось, что я не расслышал.

— Да?

— В Империи! Там отличный музей. Ты еще не был?

— Нет! — отвечал ошарашенно.

— Ну вот, загляни и посмотришь. До встречи! Она положила трубку.

Так, лампочка. Мне нужно купить лампочку. Чертовски быстро перегорает это точечное освещение. Как назло, на двенадцать встает только китайское.

Я шел по магазину и думал.

Ну а что? Империя — это даже интересно. Давно там не был. Вот и путешествие на майские.

Наташину работу мне нравилась. Многие из них были отражением ее самой — такой розной и органичной. Она была светлой, жизнерадостной и казалась такой земной, и в то же время жемчужно занимала все ее помыслы.

Под назло она делала выставку в моей маленькой кофейне. Мы открывали тогда выставку каждый месяц и все время находились в поиске хороших художников, которые согласились бы выставить не в галерее, а в кафе.

Мне на арт-кафе была в самом разгаре, поэтому соглашалась многое.

Она пыталась работать в своей собственной манере. В своем стиле. Наверное, это можно было бы назвать импрессионизмом. Хороший автор передает картинам свою энергетику, а она, в свою очередь, передает это зрителю. Наташину работу дарить радость.

Когда основной расчет был на то, что работы с выставок будут покупать посетители кафе, а не держалась и сам купил одну Крымский пейзаж с соснами и кипарисами. Ровная весна. Разные оттенки зеленого плыли мимо.

С тех пор мы не виделись. Я много раз обещал заехать к ней домой и посмотреть новые работы, но находилась более важные и срочные дела. И вдруг — этот звонок.

Второго мая было солнечно и тепло. Мы с женой и дочкой предвкушали удовольствие от путешествия. Я много раз ездил в Империя и любил эту дорогу. Люблю Бессарабию.

Майские праздники у нас — генеральная репетиция перед летом. В эти дни почти всегда можно купаться, тепло, но жары еще нет. Трава зеленеет, солнышко блестит. Машина летит на юг, к Днестру.

Зеленые солончак поля и пустоши мелькали за окном. Дорога на юг однообразна. Радость доставляет только еда и остановки в придорожных кафе. Дубовые листья, вырезанные из камня на старом входе в Заре. Железнодорожная насыпь и доки смотрят на перрон прямо перед Империей. Главная attraction — пересечение границы в Паланке; документом является клочок бумаги, на кото-

ром пограничник пишет количество пассажиров в машине.

Долетели за три часа. В музее оказалось неожиданно много людей. Приняла одеситы, и пришла почти все местные художники. Все они знали Наташу. Она была.

Рядом с Наташей у входа нас встретила стройная, даже худощавая женщина, чьи черные волосы гармонировали с черными костюмом и белой блузкой. Она казалась строгой.

— Это Эмелия Николаевна, директор музея, — представила Наташа.

Она была, как Инь и Ян: яркая, жизнерадостная светловолосая Наташа и сдержанная, строгая темноволосая Эмелия Николаевна.

— Вы бывали в нашем музее? — неожиданно дружелюбно спросила директор.

— Нет, я сожалела.

— Запечатлеть!

— Почему? — удивленно спросила мы.

— Потому что вы в первый раз сможете насладиться нашими работами. Походите, а вас проведу.

Музей оказался небольшим, но насладиться было чем. Пущенко, Шенко, Яблоновская, Захаров, Кошка. Из новых — Ломыкин, Островский, Белик. Неожиданный портрет Воронцова работы Лосыня Дольфана. Рядом с ним — интересная работа "Калейдоскоп памяти". Какой-то М. Тарган.

Через пятнадцать минут всех пригласили на открытие выставки. Большой зал был полон, толкаться не хотелось, и мы вернулись к "Калейдоскопу памяти" и Пущенко.

— Жена, почему вы тут? — услышал я вдруг голос Наташи. Она пришла за нами.

— Ждем, когда твои фаны освободят место для полнокровного любовника.

— Походим. Все уже на фуриште. Я хочу, чтобы ты показал мне работы, которые тебе нравятся.

— Конечно. Идем.

Зал действительно пуст. Если театр начинается с вешалки, то любая приличная выставка заканчивается фуриштом.

Я медленно шел вдоль работ. Прекрасные пейзажи — деревня в весеннем лесу, город, море. Отличный автопортрет — в мастерской, за работой, сделанный с уклоном в экспрессионизм... Сложно что-либо выбрать — нравятся почти все.

— Скажи, талант — это труд или все же подарок? — спрашивал я Наташу.

— Мне кажется, это подарок, который нужно отработать.

Я думаю над ответом и продолжаю смотреть работы.

— Эта, эта и, пожалуй, вот эта, — показывал я, наклоняя.

Нашу беседу прерывает вскрикивая в зал крикливо мужчина лет пятидесяти:

— Вы неправы! Выбирайте. Хотите, я научу вас, как определять безошибочно самые лучшие работы?

Мы с Наташей переглядываемся.

— Конечно.

— Я делаю вот так. Захожу в центр зала, не поднимаю головы. Потом резко поднимаю ее и быстро оглядываю все работы. То, из них, которые сразу привлекли мой внимание — без всяких раздумий, и есть самые лучшие. Прощайте. Вот они.

И показывает совсем не те работы, что нравились мне.

— Как вам наш музей? Вы у нас впервые? — спрашивает он.

— Впервые. В любом музее я всегда отлучаю те вещи, которые хотел бы забрать домой.

— Какие же отметили у нас?

— Пущенко, Дольфана и "Калейдоскоп памяти" неизвестного мне художника Таргана.

— Отличный выбор. Я считаю, что "Калейдоскоп памяти" — гениальная работа.

Я польщен. Наши вкусы совпали.

— Вы знаете автора? — спрашиваю я. — Откуда он?

— Знаю очень хорошо. Это из Империи. Это я. Мы переглядываемся, улыбаясь.

Он заводит с Наташей разговор о ее творчестве, но нас уже зовут в главный зал. Там в большом зале привезли плох.

Соперничать с художником оказалось непросто. Плоха нам досталась совсем немного.

— Давайте пойдём к реке, — предложила Эмелия Николаевна.

Никто не возражал.

Дунай разлился той весной выше обычного, лужи и низины были затоплены. Мы потоптались у воды, посмотрели на румынский берег и решили ехать домой.

— Жена, загляни ко мне посмотреть новые работы?

— Конечно. Сразу после праздников.

Вырвался я только через месяц.

Всегда находят более важные и срочные дела.

В Одессе уже властвовало лето. К обеду главным желанием становилось спрятаться куда-то в тени. Я с удальством вошёл в прохладу Наташину квартиру. Молдаванка, полулюбовал старого дома. В трёх комнатах жила вся семья — муж, сын, дочь; в одной из комнат Наташа работала.

— Проходи сразу в мастерскую, — сказала она. — Сядь вот в это кресло и смотри.

— У меня всего полчаса. Встречи по работе. Много.

— Мы успеем.

Она начала доставать и показывать мне свои работы. Сначала масло. Какие-то из них я видел раньше, какие-то — впервые. Девять, пятнадцать, двадцать... Много портретов — муж, сын, дочь, подруги.

— Теперь я покажу тебе графику.

Наташа вышла в соседнюю комнату и вернулась с большой пачкой листов.

Её глаза горели.

Мы начали рассматривать их вместе. Большие листы — акварель, смешанная техника, иногда гуашь, пастель. Пейзажи, море, портреты, жанровые сценки. И цветы. Много, много цветов.

— Мне нравятся почти все, — сказал я.

— Принимай! — обрадовалась Наташа. — Я принесу ещё.

И принесла ещё одну стопку.

— Сколько их у тебя? — поразился я.

— Много. Много.

— Полчаса пролетели незаметно. Я переключился.

— Походите в соседнюю комнату, — сказала Наташа. — Там тоже есть работы.

В соседней комнате за столом сидела дочка. Она рисовала.

— Знаю, — сказала она мне.

— Жена, — ответил я. — Сколько тебе лет?

— Семь, — улыбнулась она.

— Так. Присаживайся на диван, — сказала Наташа и достала со шкафа ещё одну стопку работ. Отличных работ.

— В начале года я решила для себя делать

по работе каждый день. Не пропускать ни дня. Так, чтобы к концу года у меня было триста шестьдесят пять работ. И сделать большую выставку в Художественном музее.

— Потрясающая, — сказал я.

— Я дала себе слово и держу его. Иногда пишу по две работы в день. И уже думаю о выставке. Я хочу всё красиво оформить. Нужны будут деньги на рамы. Представляешь, — триста шестьдесят пять работ? Хочу пригласить всех друзей и знакомых. Всем художникам горько.

Она говорила со страстью.

— Кто ты по гороскопу? — спросил я.

— Скорпион, — ответила она.

— Тогда всё понятно.

Я улыбнулся.

— Тебе что-то понравилось?

— Да. Сейчас выберу.

— Дай ты выберешь потом. А сейчас пойдём на кухню.

На кухне я познакомился с Наташиными мужем и сыном. Мы пили компот и говорили о будущей выставке.

— Выставить триста работ — это очень смело, — сказал я. — Никогда не видел таких больших персональных выставок. И никогда не видел художников, пишущих по две работы в день.

— Мы с мужем долго жили на севере, за Полярным кругом — у него была работа. Я там ничего не писала. Не было возможности. Когда вернулись в Одессу — начала работать запоем. У нас совсем другое настроение. Юг. Я все же колючий человек. Родилась в Туркменинии, выросла в Крыму.

Мой мебельщик разрывался.

— Дай я отберу работ десять — пятнадцать, приеду на дачу и выберу окончательно пять. И сразу заплачу. Идет?

Мы вновь вернулись в мастерскую. Я выбрал долго — хотелось купить почти все. Мы отложили двадцать работ.

— Только обещай, что дашь мне их на выставку, — сказала Наташа.

— Конечно, дам! Ты же знаешь, — я ничего не продаю. Собираю для себя. Я даже оставил их у тебя и забери потом, после выставки.

Мой телефон зазвонил опять.

— Прости, это опять с работы. Надо бежать... Я закончу к тебе на дачу. Куплю как минимум пять. А может, и все двадцать.

— Жду тебя!

Я поцеловал Наташу в щеку и выскочил за дверь.

После прохлады и приглушённого света Наташиной квартиры двор показался ярким и жарким — словно в окружающую картину добавили яркости и подружили температуру.

В ближайшем дне я так и не заехал. Всегда находится более важные и срочные дела. Откладывал ещё и ещё.

Через два месяца Наташа не стало.

Рак.

Конечно, она знала.

Ничто в её поведении не говорило об этом. Она наслаждалась работой, жаркими летними днями, жизнью.

Ещё через месяц в небольшом арт-кафе открылась персональная выставка. Несмотря на будний день, на неё пришло множество людей.

На выставке было немногим больше двадцати Наташиных работ.

В основном цветы. Много, много цветов. Мы должны были подарить их ей. Вышло так, что она подарила их нам.

Нужно ли кому-нибудь то, что мы делаем?

Так сколько лет Одессе?

СПРАВКА ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ — ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ ОДЕССЫ

Первым известным крупным памятником на территории нынешней Одессы является поселение в пос. Усатово, которое относится к позднему периоду трипольской культуры и датируется второй половиной — концом III тыс. до н. э.

Следующим по хронологии известным памятником, факти-

чески древним протогородом (полисом), является поселение и могильник античного времени (VII — III вв. до н. э.) на Приморском бульваре, которое может быть идентифицировано как древний Борисфен, или "торжище Борисфенитов". Известна дата его основания по письменным источникам — 647/646 г. до н. э., приведенная в "Церковной истории" Евсевия Кесарийского. Этот город в V в. до н. э. посетил "отец истории" Геродот.

Пока не получившим широкого освещения в научной литературе, но выдающимся памятником является античное святилище V — III вв. до н. э. на Жеваховой горе, которое можно интерпретировать как Одесос. Уникальность Жеваховой горы — в обнаруженном там "омфалосе", культовым объекте, рассматривавшемся древними греками как "Пуп Земли".

Следующим по хронологии известным памятником является городище греко-римского времени Гавань Истриан, располагавшееся на Приморском бульваре в первых веках н. э. и упомянутое под 132 г. н. э. Флавием Арианом.

Существование всех перечисленных памятников уверенно подтверждается археологически наличием сопутствующих культурных слоев. Если предполагать существование посе-

лений на основании случайных или разовых находок, то возможно говорить о существовании здесь населения в готское, византийское, ногайское, генуэзское и молдавское времена.

Существование поселения-порта Хаджибей (Качибей, Коцубиев?) археологически никак и ничем не подтверждается. Дата его первого упоминания: 1415 год — как показывают современные исследования одесских историков, является политически ангажированной в свое время польскими историками для обоснования исторических польско-литовских притязаний на причерноморские земли.

Замок и поселение Хаджибей достоверно известны с 1765 года. Их существование обильно документировано и подтверждено археологически.

Доктор исторических наук, профессор, академик АН Высшей школы Украины, зав. кафедрой истории Украины, Южноукраинского национального педагогического университета им. К.Д. Ушинского А.О. Добролюбский.

Фото Олега Владимирского.